

TO THE QUESTION OF LINGUOCOGNITIVE QUALIFICATION OF FOLK RIDDLES (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND AZERBAIJAN LANGUAGES)

V. N. Mamedova

Baku Slavic University
33 Suleyman Rustam St., Baku AZ 1014, Azerbaijan

Abstract. *In the presented article, folk riddles are subjected to linguocognitive analysis. Riddles have traditionally been studied either in literary or in a purely linguistic (structural and semantic) aspects, which turn out to be weak in terms of revealing the entire system of explicated and implicit patterns of architectonics of a not so voluminous, but rather complex linguistic and ethnocultural mechanism of folk riddles. Based on the current situation, we considered it necessary to illuminate the named units in the aspect of their linguocognitive comprehension in the space of a comparative typology – on the material of unrelated languages. Due to the limited possibilities of communication, we focused only on the main parameters of the linguocognitive analysis of riddles – the properties of anthropocentricity, conceptual base and internal form.*

Riddles are anthropocentric through and through, their conceptual base, as a rule, is associated with the disclosure of objects and phenomena precisely in their conceptual hypostasis: answers are always nominations of concepts, and not the names of objects and phenomena in their dictionary sense.

The analytic-synthetic structure of riddles, more than any other linguistic unit, reveals the deep connections of language with the creative thinking of the speaking subject, most clearly explicates the so-called internal form of the linguistic unit, conditioned by the “national spirit of the ethnos”.

The analysis once again confirms the need for a systemic linguo-cognitive understanding of the named units of the small genre of folklore, especially in its typological implementation.

Key Words: *folk riddles, linguocognitive aspect of folk riddles, anthropocentricity of riddles, conceptual base of riddles, internal form of folk riddles*

For citation: V.N. Mamedova, 2021. To the Question of Linguocognitive Qualification of Folk Riddles (on the Material of Russian and Azerbaijan Languages). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 7. No 1(25). P. 140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В.Н. Мамедова

Бакинский славянский университет
AZ 1014 Баку, Азербайджан, ул. Сулеймана Рустама, 33

Аннотация. В представленной статье лингвокогнитивному анализу подвергаются народные загадки. Загадки традиционно изучались либо в литературоведческом, либо в сугубо лингвистическом (структурно-семантическом) аспектах, которые оказываются малоэффективными в плане выявления всей системы эксплицированных и имплицитных закономерностей архитектоники не столь объёмного, но достаточно сложного лингвоэтнокультурного механизма народных загадок. Исходя из сложившегося положения, мы сочли необходимым осветить названные единицы в аспекте их лингвокогнитивного осмысления в пространстве сопоставительной типологии – на материале неродственных языков. По причине ограниченности возможностей сообщения мы сосредоточили внимание лишь на основных параметрах лингвокогнитивного анализа загадок – на рассмотрении свойств антропоцентричности, концептной базы и внутренней формы.

Загадки наскавозь антропоцентричны, их концептная база, как правило, связана с обнародованием предметов и явлений именно в их концептной ипостаси: отгадки всегда являются номинациями концептов, а не именами предметов и явлений в их словарном понимании.

Аналитико-синтетическая структура загадок более, чем любая другая языковая единица, обнаруживает глубинные связи языка с творческим мышлением говорящего субъекта, ярче всего эксплицирует так называемую внутреннюю форму языковой единицы, обусловленную «национальным духом этноса».

Проведённый анализ ещё раз подтверждает необходимость системного лингво-когнитивного осмысления названных единиц малого жанра фольклора – особенно в его типологическом выполнении.

Ключевые слова: народные загадки, лингвокогнитивный аспект народных загадок, антропоцентричность загадок, концептная база загадок, внутренняя форма народных загадок

Для цитирования: В.Н. Мамедова, 2021. К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков). Филологические науки в МГИМО. Том 7. № 1(25). С. 140–147. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

Народные загадки представляют собой оптимальный и добротнейший материал для лингвокогнитивного анализа, поскольку эти единицы, как в плане структуризации, так и в плане смысловой соотнесённости с реалиями проявляют достаточно яркие особенности, иллюстрирующие мирозозидающий потенциал человеческого мышления, безусловную антропоцентричность языка – речи в её национально-этническом понимании.

1. Вводные замечания

Попытка изучения загадок в когнитивном (шире – лингвокогнитивном) срезе – не дань уважения современной лингвистической моде, которая «во многом определяет лицо современной мировой лингвистической науки» [6, с. 3], а определённая теоретическая необходимость квалификации целого корпуса языковых, поэтико-художественных единиц.

Понятно, что ни структурные, ни семантико-функциональные, ни прагматические, ни поэтико-символические, ни даже лингвopsихологические аспекты в отдельности не в состоянии выявлять всю систему видимых (эксплицированных) и невидимых (имплицированных) закономерностей структуризации не столь объёмного, но достаточно сложного лингвоэтнокультурного механизма загадок.

Если когнитивный анализ ориентирован прежде всего на исследование «ментальных процессов, происходящих при восприятии, осмыслении», то есть познании действительности сознанием [5, с. 12], то для такого изучения фонд народных загадок, на наш взгляд, является предельно оптимальным материалом: в ментальности загадок представлена информация не только о том, что и как думает загадывающий, как он манипулирует своими знаниями картины мира (этот процесс можно наблюдать и в речевой деятельности субъекта обычной речи), но и о том, как реагирует отгадывающий на информацию собеседника, требующего реакции. Иначе говоря, в этой вопросо-ответной цепи складывается особая ментальная организация речи-мысли, которая представляет специфический речевой акт со своими закономерными параметрами, объединяющими разные формы мышления. Никакой другой жанр речепроизводства не выявляет эти механизмы словесно-мыслительной коллизии, как загадочная конструкция.

Более того, ни одна единица речевого производства так ясно и «безостаточно» не выявляет свойства таких категориальных понятий когнитивной лингвистики, как концепт, концептосфера, картина мира, внутренняя форма, национально-культурный компонент смысла, номинативное поле концепта и, конечно, антропоцентричность языковой единицы.

О некоторых из названных категорий речь пойдёт в данном сообщении.

2. Антропоцентричность загадок

Антропоцентризм, как считают многие языковеды, «предполагает системное освоение языковых единиц, а также текста-дискурса сквозь призму «человеческого фактора», рассматривает пребывание человека в языке и языка в человеке. Антропоцентрическая парадигма вывела на первое место индивида, язык которого стал рассматриваться как главная, конституирующая его характеристика», «текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли строить возможные миры, создаёт своеобразную картину мира...» [2, с. 72]

Подобная трактовка сути антропоцентричности языка и отдельных языковых единиц стала общепринятой. Она имеет действенную объяснительную силу, в первую очередь, относительно языковых единиц с «одинарной» семантикой (Я помню длительные муки ... А. Блок), когда говорящий субъект создаёт картину мира по своему усмотрению, исходя из практически прямого восприятия факта действительности. Правда, эта картина представлена как результат «творческой лаборатории» поэта, как результат его индивидуального мироощущения. В этом смысле отмеченная фраза-текст носит печать авторского субъективизма по отношению к номинации вполне реального факта действительности. Здесь авторское слово имеет определённую отражательную долю.

Следовательно, антропоцентричность текстов с прямой номинацией нельзя приравнивать подобному проявлению субъективно-мыслительного в загадках.

В загадках «субъект действия», то есть загадывающий перерабатывает, трансформирует конструктивно организованный факт действительности в возможный, выдуманный, во многом искусственно переделанный факт, не имеющий прямого аналога в реальной действительности. Иначе говоря, субъект («загадчик») строит микрокосм (а может, макрокосм) в пределах своих

лингвотворческих способностей. Он строит этот «загадочный» мир по своему видению. А это видение зависит от его способностей манипулировать этажами метафоро-переносных значений при конструировании чего-то необыкновенного, из ряда вон выходящего, он жонглирует системой подставок. Значит, антропоцентричность загадочных конструкций следует считать более высокого порядка, чем в обычных текстах, проявление «человека-творческого» начала. Не менее антропоцентричен процесс отгадывания. Отгадывающий обязан строить в своём сознании некий искусственный мир, который бы был адекватен закодированному загадывающим миру. И из системы микро- или макромиров, сконструированных загадчиком, он должен ещё уметь выбрать ту конструкцию, которая оптимально соотносится с денотатом загадки.

Так что и загадывание, и отгадывание загадки как специфические тексты насквозь антропоцентричны. В этом смысле загадки – это стратегии, предполагающие два адекватных (закодированного и декодированного) мира, мира, сконструированного «загадчиком», и мира, сконструированного «отгадчиком».

Именно из этих способностей говорящего субъекта, из его мирозозидающих потенций исходил А. Потебня, когда утверждал: «...язык есть не средство выражения готовой мысли, а её создания, его формирования. Слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к её созданию» [6, с. 183].

Рассмотрим в этой связи загадки о Солнце из обоих языков.

– Сито свито, золотом покрыто	– Yaxşıca gözəldir, hamıya baxar,
Кто взглянет, всяк заплачет	[Достаточно хороша, глядит на всех]
– Взглянешь, заплачешь,	Üzünə baxanı yandırar yaxar
А краше его на свете нет	[Обожжёт всех, кто на него взглянет]
	– Xub gözəldi, hamıya baxır,
	[Очень хороша, на всех смотрит]
	Ona baxanlara iynələr taxır
	[Иглами стреляет во всех, кто на неё посмотрит]

Из десятка загадок о Солнце в обоих языках мы выбрали именно более или менее соотносительные как по строению, так и по смысловому содержанию загадки. Это мы сделали не для подтверждения возможной степени совпадения загадок в обоих языках (т.е. универсальности), а для иллюстрации того, что соотносительные загадочные конструкции строятся, как правило, на базе архетипических метафор-признаков, которые являются «общим местом» в мышлении всякого индивида в соответствии с общими законами логики мышления. Что касается несоотносительных загадок, то в них фигурируют более частные, неархетипические метафоры, характерные для языка той или иной группы населения: одни «загадчики» воспринимают Солнце в пределах общечеловечески маркированного признака (как в пословице: *На солнце и на смерть в упор смотреть нельзя*). Но вместе с тем в загадках, приведённых выше, кроме этого архетипического признака, участвуют метафоры с национально-специфической семантикой: сито, покрытое золотом; нет краше его на свете... Последняя метафора-оценка в азербайджанской загадке выражена сравнительно аморфным свойством «достаточно красиво оно».

Антропоцентричность отмеченных загадок-текстов находит своё непротиворечивое выражение не только в сказанном, но и в том, что даже относительно наднационального предмета, как Солнце, проявляется индивидуальность мышления, даже явление бесспорно «одинаковое» для всех мыслящих людей получает различные портреты описания. Последнее мы наблюдаем в целом ряде вариантов, сопровождающих эти загадки в обоих языках и актуализирующих иные, более частные признаки и функции такого явления, как Солнце. О разнообразии в мирозозидающих способностях представителей обоих народов и языков говорят факты:

1. Одно и то же явление природы представлено в десятках загадок обоих языков;
2. Одно и то же явление квалифицируется в рамках целого комплекса признаков, воплощённых в разной степени адекватности (эквивалентности характера Солнца) в метафорах: эти варианты отличаются не только разной степенью усложнённости/упрощённости содержания в за-

висимости от своего назначения, от аудитории, но и содержанием метафорических конструкций: что без огня горит?; за лесом за густым висит платье золотое; какой огонь всех ярче горит?; что без крыльев летит и без огня горит? и т.п.

Азербайджанские загадки о Солнце состоят также из множества «произведений», в которых действуют метафоры, как “ağ tac, qızıl tac” («белая корона, золотая корона»), “aləmə işıq saçan” («весь свет озаряет»), “yanar yanar közü yox” («без угольев горит», “yerin-göyün saltanı”, («султан мироздания») и т.п.

Всевозможные варианты поэтико-образных (вторичных) наименований появляются по мере того, какое место данный факт или явление занимает в жизни, в мифологическом сознании народа, нации и какое значение люди придают этому феномену: «Всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражениями его воли, то отсюда он естественно должен был заключить о бытии другой воли..., кроющейся в силах природы» – писал А.Н. Афанасьев [1, с. 38], который однозначно толковал возникновение в русской фольклорной речи таких метафор о Солнце, как «колесо с повесом», «шар вертянский».

Таким образом, абсолютное человеческое начало становится онтологической сущностью загадок. Без подобного личностного вторжения в область «созидания загадочного мира» нет этих единиц.

Сказанного, видимо, достаточно для утверждения в мысли о том, что загадки носят печать антропоцентричности не только как речевые произведения (в этом плане их антропоцентричность равна антропоцентричности любого высказывания), но и, что главное, как результаты вторичной номинации, как результаты намеренной манипуляции системой подставных номинаций для достижения некоторой оригинальной языковой картины мира. «Важным оказывается не жанровая ориентированность загадок, не дуальные противопоставления в ней действительности, а её антропоцентричная сущность» – пишет Т.М. Николаева [3, с. 5].

3. Концептная база загадок

Когнитивная лингвистика при определении категории «концепт» исходит из понимания и признания диалектической связи сугубо языкового и внеязыкового в содержании языковой единицы. Языковая единица, кроме своего словарного значения, имеет также компонент содержания, отсылающий к истории народа, к его культуре, к его уровню мироощущения и т.п.

Иначе говоря, понятийная языковая единица (слово, словосочетание, предикативная конструкция, текст) кроме своего социально инвариантного значения имеет ещё целый ряд национально-культурных «зарядов», которые так или иначе проявляются в жизни этих единиц в контексте или вне контекста.

Так, например, языковая единица «сова» в русском языке имеет следующие ипостаси:

- а) лексема с определённым базовым значением, которое представлено в словарях;
- б) эта лексема имеет возможности употребления в переносном (метафорическом) значении относительно человека, который чувствует себя бодрее в вечернее или ночное время [4, с. 740];
- в) в русском языке это слово входит в понятийно-синонимический ряд со словами сыч, филин, пугач, сипуха, неясить, имеющих свои отличительные особенности [1, с. 254];
- г) это понятие в русском менталитете связывается с мудростью, дальновидностью;
- д) концепт «сова» имеет своё фразеологическое и паремиологическое поле интерпретации: *Ворона сове не оборона; Знать сову по полёту* и т.п.

В азербайджанском языке слово «байгуш», кроме аналогичного с русским словарного значения:

- а) птица такого-то семейства и таких-то данных, не имеет ничего общего со всеми остальными коннотациями русского слова «сова»;
- б) эта лексема употребляется в метафорическом значении по отношению к людям, приносящим зло: *bayquş kimi ulamaq, bayquş olub öz başını yeyəsən* и т.п.;

в) это понятие в азербайджанском языке имеет символическую подоснову зла, несчастья, смерти и великих бед (при подобной коннотации слово «байгуш» выступает почти как антоним слова «сова» в русском языке);

г) паремиологическое интерпретационное поле слова «байгуш» включает всего несколько фразеологизмов сравнительного значения «*bayquş kimi...*».

Итак, для установления концептной основы приходится учитывать цепь соотносительностей, обнаруживаемых между лексемой, понятием и концептуальным их образованием: в науке нет единого общепринятого определения категории «концепт». Мы исходим из лингвокультурологического понимания этой категории, поскольку материал загадок даёт основание считать эту категорию как непосредственно возникшую из семантической структуры слова и «являющейся результатом сложного взаимодействия семантики слова с личностным опытом народа, с его культурологическим фоном» [7, с. 265].

Следовательно, концепты в структуре загадок формируются в процессе синтеза а) денотатного слова, включённого в ткань загадывания, б) метафорических превращений этого слова в структуре загадок (образование метафорических понятий, служащих подставными именами денотата) и в) понятия, сконструированного «отгадчиком». Это понятие, «погружённое в культурологическую жизнь народа» и есть, на наш взгляд, концепт, концептное содержание загадки.

Посмотрим, сколько общечеловеческого содержания в загадках «сова» и «байгуш», и сколько сугубо национального в их концептной основе.

– Живёт в лесу – ухает, как	Qara qatır [чёрный мул]
разбойник, люди его боятся,	Bədlük satır [приносит зло]
а он людей боится;	Gecə gəzir, [ночью ходит]
– Днём молчит, ночью кричит;	Gündüz yatır [днём спит]
– Кто плачет, не имея слёз?	

Для русского мифологического мышления, как видно, первостепенно важным является лесная жизнь совы (это свойство не глобально: совы могут облюбовать степи, руины бывших городов и сёл, даже живые поселения), взаимная неприязнь людей и этих неоднозначно воспринимаемых птиц ночной охоты, звук-крик, напоминающий плач «без слёз» и т.п.

В азербайджанской загадке данная ситуация получает иную интерпретацию: в неё включено свойство общеглобальное (днём спит, ночью охотится) и сугубо национальное (*bədlük satır* – приносит несчастье; метафора «*qara qatır*» – чёрный мул).

Универсальной концептной базой для обоих языков оказывается всего один признак, существенный, видимо, для всех национальных ассоциаций, поскольку этот признак есть конститутивный для этого вида «птиц». Следовательно, концептную базу слов «байгуш» – «сова» составляет, прежде всего два компонента значения этих слов – словарное значение (разновидность птиц) и постоянный признак (ночью ходит, днём спит). Концепт же состоит из отмеченной содержательной базы в её обязательном обогащении с другими вышеотмеченными коннотациями, имеющими сугубо национальную специфику. Стало быть, загадки-конструкции более чётко вырисовывают многокомпонентную структуру концепта на фоне сетки соотношения языко-речевых манипуляций «загадчика» и языко-речевых интенций «отгадчика».

4. Внутренняя форма загадок

Вопрос о внутренней форме народных загадок не становился объектом внимания ни в русистике, ни в азербайджанском языкознании. Обычно предметом рассмотрения специалистов становятся паремии-фразеологические единицы различных рангов и сложности.

Наше желание рассматривать загадки с точки зрения внутренней формы продиктовано следующими объективными условиями:

а) анализ языковых единиц с этих позиций является одним из компонентов общей системы лингвокогнитивного анализа;

б) установление «реальной» внутренней формы загадок ещё более подтверждает их языковой статус – в качестве языковой единицы.

Очевидно, что произнося загадку, например, про дорогу, мы не только обозначаем этой конструкцией что-то, какое-то явление, которое воспринимается в его отношениях к другим предметам и явлениям, но и представляем себе свойства и признаки этой соотнесённости: последняя имеет различные ассоциативные основания в различных загадках разных народов. Так, в азербайджанской загадке «*O nədir ki, ən uca dağların belə başından aşır?*» (что перешагивает через самые высокие горные вершины?) дорога персонифицируется в своём самом главном, определяющем признаке – вездесущности. При этом мы представляем не обезличенный предмет (дорогу) в его прямом значении, а нечто живое, способное на преодоление самых высоких и непроходимых вершин. Причём в основе этого олицетворения дороги подспудно лежит понимание онтологической сути загадки – её связанность с человеческой деятельностью.

Ведь пути-дороги складывают люди, для которых они рукотворный (скорее, «ноготворный») результат передвижения в пространстве. Следовательно, метафоризация силы и способностей дороги как таковых является опосредованной метафоризацией этих способностей человека, всемогущего и вездесущего. Тот мифологический образ, который мы себе представляем, и является внутренней формой загадки, которая несёт на себе печать индивидуально-национального мировидения и национального мифологического мышления.

А.А. Потебня пишет: «Внутренняя форма кроме фактического единства образа даёт еще знание этого единства: она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [6, с. 147]. В нашем случае понятие дороги – это образ, а внутренняя форма – это образ образа, то есть образ могущественного человека, который возникает в нашем сознании.

Несколько иную, но в чём-то аналогичную картину внутренней формы загадки про дорогу мы наблюдаем в русской загадке:

Лежит брус во всю Русь
Если бы руки да ноги,
То бы встал, да и до неба достал;
А если бы рот да глаза
То всё бы рассказал [8, с. 159]

Как видно, в азербайджанской загадке актуализировано свойство дороги-человека быть выше вершин в его философском, морально-нравственном значении (гора-вершина, мощь, сила, а дорога – мудрость, сила знания и т.п.).

В русской загадке опорными признаками являются «недвижимая сила» (лежит брус), потенциальная возможность «достать до неба» – видимо, до Бога, а также нереальные возможности рассказать обо всём. В этой загадке одна из центральных линий – это факт «осведомлённости» дороги обо всём: она видит и доброе и злое, и вора и праведника, и властителя и холопа и т.п. Этот факт заставляет «человека-дорогу» желать дотянуться до неба – Бога, чтобы рассказать ему обо всём, что происходит на грешной земле...

Такая ассоциируемая картина противоборства и есть внутренняя форма русской загадки: эта загадка, следовательно, русская и по форме организации и по внутренней форме. Только стремление достичь нравственную победу над всем, что она видит, остаётся (в отличие от азербайджанской загадки) лишь областью желаний.

Словом, как и слова, словосочетания и другие малые единицы языка, загадки имеют внешнюю форму, внутреннюю форму и содержание (т.е. смысл). Здесь видимо, следует признать бесспорный изосемантизм между отмеченными языковыми единицами и загадками.

© Мамедова В.Н., 2021

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., Современник, 1982. 464 с.
2. Константинова Л.А. Антропоцентризм как ключевая идея современной лингвистики // Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ. «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» Гранада (Испания), 2015. 176 с.
3. Николаева Т.М. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т.1. // Предисловие. М., Индрик, 1994. 269 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. изд.4-ое, М., ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., Восток-Запад, 2010. 314 с.
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., Искусство, 1976. 613 с.
7. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, Феникс, 2008. 810 с.
8. Seyidov N. Tapmacalar. Bakı, Şərq-Qərb, 2004. 304 s.

References

1. Afanas'ev, A.N. *Drevo zhizni. Izbrannye stat'i* [The tree of life. Selected articles]. M., Sovremennik, 1982. 464 s.
2. Konstantinova, L.A. Antropotsentrizm kak kliuchevaia ideia sovremennoi lingvistiki [Anthropocentrism as a key idea of modern linguistics] // *Materialy XIII kongressa MAPRJAL. «Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury»*. Granada (Ispaniia), 2015. 176 s.
3. Nikolaeva, T.M. Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi duhovnoi kul'tury: Zagadka kak tekst [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: A riddle as a text]. T.1. // *Predislovie*. M., Indrik, 1994. 269 s.
4. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. izd.4-oe, M., ITI Tehnologii, 2003. 944 s.
5. Popova, Z.D., Sternin, I.A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. M., Vostok-Zapad, 2010. 314 s.
6. Potebnya, A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. M., Iskustvo, 1976. 613 s.
7. Starichonok, V.D. *Bol'shoi lingvisticheskii slovar'* [Big linguistic dictionary]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2008. 810 s.
8. Seyidov, N. *Tapmacalar* [Proverbs]. Bakı, Şərq-Qərb. 2004. 304 s.

Сведения об авторах:

Мамедова Вафа Нариман гызы – преподаватель, Бакинский славянский университет (Азербайджан, Баку). E-mail: sevinc.n@mail.ru

About the author:

Mamedova Vafa Nariman – Lecturer, Baku Slavic University; E-mail: sevinc.n@mail.ru

* * *